

Саша Мар

Страх и стыд

Роман-сериал

Саша Мар

Страх и стыд. Роман-сериал

«Издательские решения»

Мар С.

Страх и стыд. Роман-сериал / С. Мар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984291-6

Роман, который вы ждали. Фантазия, правда и шок. Три точки на карте, три героя, жизненные дороги которых переплетаются неожиданно и замысловато. Чего они боятся и от кого бегут? Чудовищная фантазия постепенно оборачивается страшной правдой.

ISBN 978-5-44-984291-6

© Мар С.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Страх и стыд Роман-сериал

Саша Мар

© Саша Мар, 2020

ISBN 978-5-4498-4291-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть ПЕРВАЯ

Беги и прячься

Глава первая

в которой Сайк ненавидит будильники, раны ещё ноют, а засохшую зубную пасту с зеркала не так легко смыть

В шесть часов утра Сайк с ужасом открыл глаза.

На тумбочке мерцали красные цифры электронного будильника. Сайк вскинул голову, не дыша осмотрел комнату. Всё на месте, обычная спальня съемной квартиры. Зеркальный шкаф, волны серого тюля на окне, букетик белых лилий на столике. Ни следов взрыва, ни пожара. Никто не колотил в дверь, не орал. Было очень тихо, только будильник зудел в правое ухо.

Сайк бросил голову на подушку и, не глядя, хлопнул по часам. Отвратительный писк заглох.

В каждой из дюжины квартир, где он просыпался последний месяц, давила уныло одинаковая обстановка. За дверью спальни – гостиная с кухонькой, иногда отгороженная барной стойкой. В гостиной – диван, дверь в туалет с душем и прихожая. Плетёная мебель и китайский телевизор. Одно и то же, но часы с будильником на тумбочке всегда разные. Обычно пластиковые, плоские или высокие, белого, черного или красного цвета, с большой шершавой кнопкой сверху или гладкой на боку, с тусклым электронным экраном или слепящими в темноте яркими цифрами, белыми, малиновыми или зелёными, с мигающими точками секунд. Даже один раз попался железный механический урод, тяжелый, с круглым циферблатом и стрелками.

И у каждого будильника свой, по-особому противный писк, от которого Сайк утром вскакивал с вытаращенными глазами. Писк зудел в ушах. Пластиковый будильник вибрировал и ползал по тумбочке жуком, а железный трещал и скакал как бешеная мартышка. Его пришлось поймать и долбануть пару раз посильнее. Кнопка заедала. Чудовище вздрогнуло, предсмертно захрипело и заткнулось.

Днем Сайк осмотрел будильник и понял, что тому пришел конец.

– Слушайте, по-моему я сломал будильник, – сказал он сопровождающему, низкорослому, худому как мальчишка человеку, когда тот появился, чтобы отвезти Сайка на новое место.

Сопровождающий зыркнул на будильник, потом на Сайка:

– Деньги. Под будильником оставьте. Двадцать солей.

– Не сильно щедро?

– Нет, нельзя, чтобы вас нашли. Из-за будильника.

– Может, написать записку?

– Нет, никаких записок. Что ещё сломали?

Сайк не понял ехидства и послушно поглядел по сторонам:

– Да, вроде, ничего.

В своей нормальной жизни он спокойно просыпался сам в шесть, а то и в пять утра. Бодро делал отжимания, приседал, заваривал кофе и начинал работать. Теперь же каждое утро начиналось с истошного писка и ледяного страха. За секунду страх, как гигантский шприц, высасывал силы. Если бы рядом была Соня, один взгляд на жену, одно прикосновение, и он чувствовал, что может раскурочить мир и снова собрать. Сайк машинально протянул руку и сбоку от себя нащупал лишь смятое одеяло и пустоту. Краем глаза он заметил вторую подушку, которую зашвырнул в угол комнаты перед сном, и стиснул зубы. Даже позвонить и услышать голос жены нельзя. Это риск. И приходилось с каждым восходом долбить очередной неменяемый будильник, выдавливать страх и вытаскивать себя из кровати.

Поначалу он с интересом разглядывать свои новые убежища. По утрам после дикого пробуждения, поняв, что жив, Сайк несколько минут лежал в кровати и фантазировал, как выглядит гостиная, и весь дом снаружи. Он чувствовал, что раны заживают, повязки на ногах и руках по утрам не испачканы кровью и шею не надо залеплять пластырем. Он лежал на спине, слушал стихающую боль в конечностях и пытался во всех подробностях вспомнить обстановку за дверью спальни и место, где располагался очередной дом.

Но через месяц скитаний фантазировать стало неинтересно. Стало тошно.

– Привычки. Вы должны поддерживать привычки. Начинайте утро как обычно. Во сколько вы встаёте?

– В шесть. Но я теперь не могу сам проснуться.

– Ставьте будильник. На шесть. Дальше?

– Делаю зарядку, пью кофе...

– Делайте всё то же самое. Но осторожно. Ваши раны. Только Затянулись. Какой кофе вам привезти?

– ...работаю, иду гулять, по саду...

Иду гулять. Чёрт возьми, как просто, но какое наслаждение: просто выйти из дома и пройтись. Сайк сощурил глаза и посмотрел на окно. Там за толстым тюлем мутно светило солнце и маячили желтые и оранжевые пятна домов и зелень. Сайк отвернулся от окна, опустил голову:

– ... разговариваю с женой. Может быть, забираюсь в джунгли до обеда, может, беру с собой жену, хотя она не любит: насекомые, змеи...

– Вы должны взять себя в руки. Обезболивающее. Вы уже не принимаете? – сопровождающий показал на нетронутый стандарт таблеток на тумбочке. Сайк, не поднимая глаз, мотнул головой. – Ехать. Мне надо ехать, – сказал сопровождающий, – Продукты в холодильник. Положите.

Молчание.

– И кофе. Я взял Урамбама. Дорого. Контора хочет вас взбодрить.

– Спасибо.

– И перекись. Я привез ещё бутылку. Не забывайте обрабатывать раны. Жара страшная. Инфекция.

– Спасибо за заботу.

Щелкал замок, и Сайк оставался один до ночи, до очередного переезда.

Контора снимала недорогие квартиры, чтобы не привлекать внимание местных.

– Кто выходит из дорогущего каменного дома. Люди сразу заметят. А кто живет в хибаре, деревянной – разглядывать не будут, – говорил сопровождающий.

Он был сотрудником Конторы, очень маленький и сухой, лет сорока пяти. Он не сказал своего имени. За худобу и низкий рост Сайк про себя называл его чанго, «пацан». У чанго плоское как тарелка лицо, узкие глаза, и две дырки ноздрей вместо носа. Он прятал Сайка. На улице, особенно на ярком солнце в рубашке и брюках бежевого цвета чанго почти сливался с песочной местностью, и Сайк вздрагивал, когда тот возникал рядом из ниоткуда, вытянутый по струнке, как будто вместо позвоночника спину его держала негнушаяся стальная дуга.

Говорил чанго, глядя вниз, в пол, механически, специально заготовленные фразы.

– Это лучшее место. Которое мы нашли.

– Я не сомневаюсь.

– Недорогое.

– Хорошо.

– Контора может себе позволить.

– Спасибо.

– На улицу не выходить, шторы не открывать. Можно открыть дверь на задний двор, но не выходить. Наружу. Поставьте стул здесь и смотрите на горы, если станет совсем тоскливо. Взаперти.

Сайк знал, что тоскливо ему станет очень скоро. Он сразу открыл дверь, и стоя во тьме коридора, смотрел в проём как на картину в вертикальной раме. В солнечном мареве маячил дворик. Три длинные грядки с розовыми цветами в желтом грунте. Вдоль плетеного забора стояли лопаты, тяпки, в другом углу тачка с горой разноцветной глиняной посуды. За оградой угадывалась улочка, и сразу за ней громоздились зеленые холмы, вытянутые, как на детском рисунке. Заросшие пальмами, непролазными лианами они сочились влагой и зеленью, наседали друг на друга до самого голубого неба, и макушки прятались в облаках. Справа и слева зелень истончалась и холмы превращались в острые зазубрины скал, а ещё дальше пологой сопкой в белоснежных ледниках, укрытый белыми облаками, спал вулкан Кухиато.

Щебет птиц и резкий визг мартышек волнами залетали в дом с теплым влажным ветром. Сайк опускал веки и вдыхал свежий воздух. Проем двери расширился и он мысленно перемещался из духоты и полумрака, из четырех стен в чашу.

Тем временем чанго положил на полку около двери два телефона, кнопочные звонилки синего и красного цвета и прервал медитацию.

– Красный кладите в карман. Так. Синий должен быть под рукой. В случае опасности набираете по синему *024# и бегом через задний двор. Телефон выкинуть во дворе. Нам придёт сигнал. Три минуты – и телефон сторит, поэтому долго в руках его не держите. За оградой старый пикап. Едете в горы. Как только оторвались, съезжаете с дороги и включаете второй телефон. Никуда не звоните. Нужно уйти подальше от машины и сидеть тихо. Мы вас засечём и подберём. В случае чего – вот.

И рядом с синим телефоном на полочку лег пистолет, маленький «пэ-эм».

Сайк без интереса глянул на «пэ-эм»:

– Лучше это?

Он вынул из-за ремня под рубашкой длинный охотничий нож в кожаном чехле с красным орнаментом. Чанго зыркнул на нож, потом быстро оглядел Сайка и отвернулся. Другому он бы ляпнул в ответ что-нибудь язвительное, но над ним нависал высоченный верзила, с широкой челюстью, черными волосами индейца, и почти всегда сощуренными глазами, от чего выражение лица становилось твёрдым, непроницаемым. Под рубашкой ни капли жира, одни мускулы. Напряжённая взведённая пружина. Об индейском происхождении Сайка говорили и чернильно-чёрные прямые волосы, и смуглая медно-красная кожа. С охотничьим ножом в руке Сайк выглядел опасно.

Чанго вздохнул и сказал тихо:

– Всё что хотите. Молитесь. Чтобы оружие не пригодилось.

Сайк молился иначе. Пусть хоть что-нибудь произойдет. Эта привычка вскакивать по утрам в ужасе. Унизительно. И целый месяц он ничего не слышал о жене.

– Скажите, когда я полечу к жене? Мне нужно к ней.

– Минимум пять недель. Когда поиски стихнут. Должны пойти слухи, что вы уехали из страны. Тогда хотя бы полиция перестанет вас искать.

С высоты своего роста Сайк видел в основном только макушку чанго с пепельными жесткими как проволока густыми волосами.

– Дайте мне хоть ноутбук или бумагу с ручкой.

– Никакого ноутбука. Ноутбук и записи – это риск. Если их придется бросить. Вас тут нет. Мы хотим, чтобы они думали. Так. Если найдут ноутбук или записи. Ясно – вы здесь, и вас будут искать. Сильнее.

– Как мне поговорить с вашим начальством, мне нужно работать.

– Нельзя. С начальством нельзя. И я не знаю их телефона. Вообще.

Потому приходилось с утра до вечера сидеть на плетеном стуле в темной прихожей и жадно всматриваться в солнечный рай за рамой открытой двери. Сидеть и думать, думать...

– Послушайте, но я не могу только думать-думать, мне нужно...

Чанго поднял голову и глянул на Сайка особым взглядом, от которого у мускулистого верзилы с ножом и пистолетом побежали мурашки.

– Помните, что вы мне сказали в лесу, когда я вас нашел, – стеклянные змеиные глаза воткнулись в зрачки Сайка и не отпускали, – помните? – и чанго пару раз стукнул согнутым указательным пальцем себя по лбу, – всё в голове. Верно?

Сайк с досадой отвернулся, грохнул стул напротив двери и уселся на него спиной к чанго. После паузы чанго тихо произнес:

– Положите телефон рядом.

Сайк не двигался. Он услышал, как чанго вздохнул, щёлкнула входная дверь, затарахтела машина, и звук стих. Он остался один. В солнечном проеме двери стрекотали, шелестели и визжали джунгли. Сайк закрыл глаза.

Всё в голове.

Легко сказать.

Сайку казалось, что мозг трещит и разрывается. Под опущенными веками бешено скакали зрачки, ухватывая мельчайшие детали. Видения разрастались и рвались наружу. Визг джунглей становился щебетом садов и рощ, которые опоясывали и пронизывали древний город, перетянутый висячими мостами. Он протягивал руку и касался стены храма, нагретой дьявольским зноем пустыни. Мимо него двигались мужчины и женщины с черными курчавыми волосами в шерстяных туниках. Они говорили на чужом, гортанном рычащем языке, и Сайк понимал, о чем они говорят, не зная слов. Он шёл по узким крутым улочкам мимо людей, собак и коз, вдыхая то благовония рынка, то смрад испражнений. На краю улочки, прислонившись спиной к стене, сидела заплаканная девушка в лохмотьях туники со спутанными пыльными волосами. Она что-то страстно шёпотом говорила склонившемуся над ней бородачу с посохом. Её распахнутые глаза яростно блестели. Вдалеке замелькали позолоченные шлемы и красные накидки, улочка сверху ошетибилась копьями и залязгала оружием. Сайк свернул за угол.

«Нет, не сейчас, надо обойти храм и через сад...»

Сайк почувствовал, что говорит вслух, и открыл глаза. Он сидел, распластанный на плетённом стуле, руки приподняты и вытянуты вперед, а пальцы мельтешат воздухе, выстукивая по невидимой клавиатуре. Сайк уронил руки на колени и тут почувствовал ноющую боль под повязками, и как горит лицо. За дверью стоял штить, и дом заливало зноем.

Ноги затекли и повязки на бедрах ныли. Сайк стащил себя со стула, и побрел в ванную. Он тяжело нажал ручку двери, и не включая света, облокотился на холодную раковину. Дом задыхался от жары, но темная комнатка хранила остатки прохлады. С минуту Сайк исподлобья рассматривал свое лицо, освещаемое сбоку из коридора, щелки устало прищуренных глаз и унылый изгиб рта. Вдруг на полу в отражении он заметил коробку с двумя пятнышками, черными в полумраке. Он быстро нашарил выключатель и зажмурился от света.

Белый водонагреватель пристроился в углу и подмигивал заплатками по бокам, красной и синей. Сайк захлопнул дверь, вонзил вилку в розетку и повернул переключатель на красный глазок. Белая коробка загудела и мелко завибрировала. Сайк медленно отвернул кран горячей воды до максимума и подставил ладонь под сильную струю. Брызги прыгали на штаны, но Сайк не отходил от раковины. Сначала вода была теплая, почти неощутимая, но через пару секунд начала стремительно горячить. Сайк одёрнул руку и увидел струйку пара. Пар клубился, полз вверх, и прихватывал нижнюю часть зеркала. Сайк улыбнулся и аккуратно присел на край прохладной ванной.

Комната наполнялась молочным туманом.

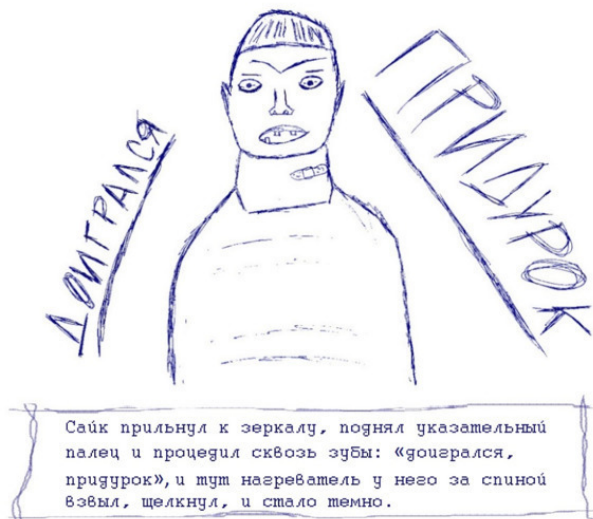
Спустя несколько минут зеркало затянуло матовой пленкой. Сайк встал, радостно поглядел на пустую поверхность зеркала. Он осторожно вытянул руку и начал мизинцем выводить на зеркале буквы и слова.

Палец противно скрипел по стеклу. Сайк приподнимал его и видел, как вытягивается и лопается ниточка воды. Мизинец писал толсто, буквы получались крупные, размашистые. Дюжина слов, и вся поверхность зеркала заполнена. Сайк сделал шаг назад, любуясь написанным, шевелил губами, читая первое предложение. Тут выражение его лица стало испуганным. Пар всё поднимался, заволакивал написанные слова и они постепенно белели и сливались в белёсую пелену. Он забормотал, перечитывая текст, пытаясь запомнить его и глазами, и ушами. Ещё секунда, и слова исчезли.

Сайк выскочил из ванной, вывалил на кухонный стол содержимое пластикового пакета, в котором чанго возил для него дорожную утварь и умывальные принадлежности. Точно, ему не показалось, там лежал пакетик с ватными палочками. Сайк в два прыжка вернулся к зеркалу. Горячий пар стал такой густой, что не видно пальцев вытянутой руки. Нагреватель стал заметно громче тарыхтеть и вздрагивать, но Сайк не обращал внимания. Он подошел вплотную к зеркалу и аккуратно, начиная с самого верху, стал быстро писать. Тонкая палочка бойко покрывала запотевшее стекло мелкими буквами. За полторы минуты Сайк смог исписать всю поверхность зеркала. Когда он заканчивал последнюю строчку, верхняя почти уже исчезла под клубами пара. Сайк отпрыгнул назад и пробежал беззвучно губами новые предложения, отмечая про себя неуклюжести и шероховатости. Едва зеркало полностью запотело, он начал писать заново, шлифуя и оттачивая.

Сайк метался по парилке больше часа. Гудение нагревателя превратилось в гул в ушах, лицо жарко пульсировало, по нему текли капли. Рубашку и штаны он содрал несколько зеркал назад, они валялись около нагревателя скомканными мокрыми тряпками. В очередной раз отойдя от зеркала Сайк почувствовал, что ему тяжело дышать, и дико заныла шея. Он смахнул с зеркала не успевшие запотеть буквы и увидел, что его заплаты пластырем на шее стали красные от крови. Раны разбухли, повязки на бедрах и бицепсах тоже стали розовые. Сайк прильнул к зеркалу, поднял указательный палец и процедил сквозь зубы: «доигрался, придурок», и тут нагреватель у него за спиной взвыл, щелкнул, и стало темно.

В течение следующего часа Сайк разыскивал и включал вылетевшие пробки, перевязывал кровоточащие раны, бормотал и записывал на подложку только что оформленный текст. Нет, он не забудет, слова выстроились в нужном порядке, каждое на своём месте, это как заклинание, а заклинания не забываются.

От вонючего антисептика кончики пальцев дубели и царапались. Сайк накладывал пластырь на шею, повторяя отточенные предложения, и улыбался, вспоминая, что в пластиковом пакете есть ещё целых два тюбика зубной пасты.

Чанго не назвал своего имени и вообще ничего о себе не рассказывал. Лишь заученные инструкции, рваные в неожиданных местах, сухие фразы. Сайк сразу понял, что чанго раньше работал где-то в спецслужбах. Беззвучная походка призрака, манера выныривать из-под земли и говорить, глядя в пол, не встречаясь глазами, и вдруг впиваться взглядом в собеседника.

Лучше пусть так, пусть не смотрит в глаза. Когда они скидывают голову и вонзаются в тебя в упор, ввинчиваются ледяным взглядом сквозь расширенные зрачки прямо в мозг... Даже мысль об том взгляде заставляла Сайка вздрагивать и ёжиться. Поэтому пусть смотрит вниз. И ничего о себе не рассказывает.

Однако путешествовать в молчании он не мог.

В самую жуткую жару, когда на солнце сорок пять по Цельсию, ни на рубашонке чанго, ни на легких брюках не было ни следа пота.

– Вы родом из Санта-Роса. Ураин? Тоже не потеете.

Они остановились на бензоколонке неподалеку от индейской деревни. Чанго глянул исподлобья:

– Ураи не потеют, а кто родом испанец или португалец, обливается потом как свинья.

– Что вы? Нет, нет, они тоже не потеют, они давно ассимилировались. Это предрассудки.

Макушка молчала, разглядывала пистолет в баке машины и бесила Сайка. Кожа зудела под накладными усами, а слой бледного тоника на лице лепился как полиэтиленовый мешок.

– Это же ксенофобия. Я не думал, что сотрудники Конторы позволяют себе такое. Я читал. Тут среди холмов особое сочетание влажности и температуры, плюс запахи лилий и высокогорья. Все, кто тут оказываются, начинают меньше отдавать жидкости, а если прожить несколько веков, через поколения...

Колонка щелкнула и затихла. Чанго вернул пистолет на место и перед тем, как завинтить крышку бака, сунул палец внутрь и затем поднёс к носу. На Сайка, который стоял к нему вплотную, пахнуло бензином.

Сайк улыбнулся и пробормотал как бы про себя, но чтобы чанго слышал:

– Урарин, любит запах бензина, неразговорчивый, бывший сотрудник полиции, верит в предрассудки.

Чанго завинтил люк бензобака, распахнул дверь пикапа и вперил в Сайка ледяной взгляд:

– Урари не потеют, остальные – да, туристы – мокрые с ног до головы. Я урарин, и вы урарин, и полиция знает, что вы урарин, а на вас рубашка высохла.

Он нырнул в машину, вынул бутылку воды и пихнул её Сайку.

Они сели в пикап, Сайк на заднее сидение, а чанго за руль. Он не трогался с места и выжидающе смотрел на Сайка в зеркало, и от того немигающего взгляда сердце проваливалось в живот. Сайк покорно вздохнул, осторожно отпил из бутылки, затем вылил остатки воды в ладонь, плеснул по очереди на подмышки, и оказался в противно мокрой рубашке. Змеиные глазки скрылись из зеркала, пикап затарахтел и поехал.

– И, пожалуйста. Зубной пастой. На зеркале, больше не пишите. Вы раскроете себя. И всё насмарку. Про квартиры можно забыть. Придётся прятаться в джунглях. А это... Сами понимаете.

Сайк отвернулся к окну. Чертов шпион, как он заметил?

Ведь исписанное минуту назад зеркало стало почти чистое, когда Сайк услышал, как в замке входной двери начал скрестить ключ. Он вдруг испугался, начал судорожно тереть, размазал остатки пасты и выскочил в прихожую встречать чанго. Зачем нужно было так торопиться, как вор или напакостивший пацан. Можно ведь просто закрыть дверь в ванную и спокойно прибраться. А чанго буркнул что-то и как назло проскочил напрямик в ванную. Занудило ему. И конечно увидел разводы пастой на стекле, а может, там ещё и буквы остались какие-то. Вот нелепость.

Сайк покосился на чанго. За спинкой сидения «пацана» не было видно, а в зеркале подпрыгивала чёрная макушка. Пусть не смотрит. Что угодно, лишь бы не встречать его взгляд.

Новый день и новый переезд. И опять неизменный монотонный аккомпанемент:

– Это лучшее место, которое мы нашли. Недорогое.

– Хорошо.

– Контора может себе позволить.

– Отлично, я очень рад.

– Здесь тихо, ... не надо трогать шторы, я же говорил, – чанго резко повысил голос, и Сайк дёрнул руку прочь от прозрачного тюля, – и стоять около окна не надо. Плотные шторы тоже вызывают подозрение. Вы же понимаете, дворцы с забором Конторе не по карману. К сожалению.

– Что вы, я и не претендую, – Сайк постарался пропустить мимо ушей внезапное презрение. Рано или поздно он должен был проговориться, показать настоящее отношение к своему подопечному. Ну конечно. Контора платит за то, чтобы богатый здоровый бездельник оставался живым. Искреннее сочувствие – это уже бонус.

Чанго опомнился, выключил презрение и снова занудил:

– Полиция знает каждый богатый дом. Кто в них живет. Или сдает в аренду.

– Хорошо, я доверяю Конторе, я – вам доверяю. И мне, правда, всё равно, куда прятаться.

Мне нужно поскорее к жене.

На всю Санта-Роса богатых особняков всего-то пять или шесть. Один из них, чудесный новенький дом Сайка и Сони с высоким забором, апельсиновым садиком и бассейном месяц как стоял в руинах.

Сайк снова и снова прокручивал в памяти эту минуту. Они с женой, смеясь, запрыгнули в джип, и как только Сайк вставил ключ, машину бросило вперед, а их вжало в сидения. Он

увидел, как в зеркале заднего вида его дом превратился в облако пыли, и тут же взвились в небо языки пламени.

Жена отчаянно завизжала, по лбу струилась кровь.

– Тише, Соня, тише, – он притянул её голову к себе, пальцы стали липкими. Рана на темени была неглубокая. Женщина не успела пристегнуться и после того как машина дёрнулась, мягкая спинка кинула её лбом на переднюю панель. В открытое окно потянуло гарью и каким-то химическим запахом, салон наполнился белым туманом, и у них на коленях и по всей машине лежали крошки цемента и дерева.

– Салфетки.

Сайк рванул бардачок, выдернул из кучи хлама пачку салфеток и приложил пару к волосам жены чуть выше лба.

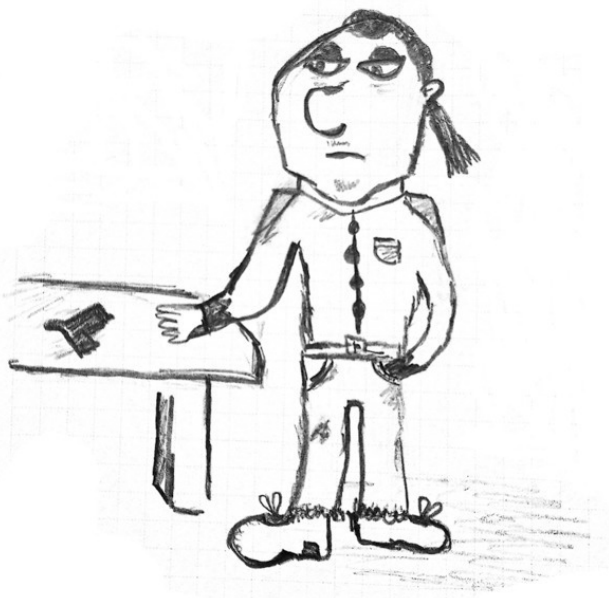
– Держи, – Соня уже не кричала, она сидела, наклонившись вперед, прижав ко лбу комок салфеток и громко дышала открытым ртом.

– Пристегнись, – она судорожно накинула ремень. Сайк подхватил пряжку и защёлкнул в замке. Затем крутнул ключ. Красный джип вздохнул и начал бесшумно пульсировать. Сзади рвалось к небу и звонко трещало огромное кострище. Они услышали треск только сейчас. От взрыва заложило уши.

Джип проскользнул сквозь открытые ворота, густые деревья и заросли, которые окружали дом, через мостик над ручейком и помчался по дороге в сторону центра Санта-Роса. Автоматические ворота послушно закрылись, как будто ничего не произошло. Стало очень тихо. Звучал густой лес, журчала вода в ручье, стрёкот насекомых и щебет птиц. И треск огромного костра, как на пикнике. Все, кто ехал в Санта-Роса и огибал холм, видели, как прямо посреди пышной зелени джунглей клубится в небо столб дыма.

Пассажиры красного джипа тоже видели дым. Соня заплакала:

– Что же будет? Что это?

Глава вторая

в которой Гвоздь угрожает, Шериф сонит, а зелёные листочки оказываются полезными

– Что же это, а Степаныч? Что же будет?

Баба Тоня бессильно бросила руки на колени и присела на скамейку у плиты. Аркадь Степаныч хмыкнул и легонько пнул Гвоздя, который лежал тут же на полу на крашенных облупленных досках, поджав колени к лицу. Гвоздь вздрогнул и зачастил «что же будет, что же будет...»

– Да, ничего особого не будет. Чего ты переживаешь, я же не переживаю, – Аркадь Степаныч замахнулся, чтобы снова пнуть Гвоздя, но тот как будто почувствовал, забормотал громче. Степаныч плюнул и полез под скамейку.

– Я же не переживаю. И ты не переживай. Ты ему кто? – Степаныч кряхтя вытащил из-под скамейки два крапивных веника, и стоя на коленях, посмотрел на бабу Тоню в упор, – ты ему – никто, и чего тебе переживать-то. А я ему – отец. И ничего с ним не будет, с психом, верно Гвоздь, – неожиданно заорал Степаныч прямо в ухо Гвоздю и поднялся на ноги.

– Верно, верно, – частил Гвоздь, раскачиваясь на боку. Баба Тоня всхлипнула:

– Ну, как никто? Соседи всё-таки, не чужие люди же, – глаза её сузились и увлажнились.

По крыльцу затопало и заскрипело, запахнулась дверь. На пороге появился Канителич и ещё какой-то хмырь помоложе. Спиной Гвоздь почувствовал холод от двери, приподнял голову, и между ног вошедших увидел сумерки и крупные плавные хлопья снега.

– Половик! – крикнул Степаныч и ткнул в грязную скомканную тряпку, – не грязните.

Канителич запахнул дверь, задвинул молодого себе за спину и аккуратно расправил тряпку носком сапога.

– Ты, Степаныч *ммыть*, чистюля *ммыть*.

– Не обзывайся.

Канителич осклабился. Молодой, выглядывая из-за спины, аккуратно похлопал его по плечу. Канителич обернулся, и молодой, выпучив глаза, беззвучно зашевелил губами: «скажи-скажи».

Канителич нахмурился:

– Степаныч, синяки *ммыть* из города приехали, дури *ммыть* привезли. Ты его не выпускай, – Кантелич показал подбородком на лежащего под плитой Гвоздя.

– Да-да, Степаныч, – выпалил молодой, – а то опять же всё лечение на смарку.

– Я тебе не Степаныч, – Аркадь Степаныч с удивлением как в первый раз разглядывал молодого, – я тебе – дядя Аркадий, запомни.

Молодой опустил голову, сжался и попробовал спрятаться за Канителичем, но тот мягко взял его за шиворот и выставил вперед.

– И ничего, не сбежит он, – Аркадь Степаныч вдруг наклонился к Гвоздю и заорал ему в лицо, – верно?! Не пойдешь к синякам своим?

Гвоздь мелко затрясся и начал зажмуривать и раскрывать глаза:

– Не пойду, не пойду.

– Ну, вот и молодец, – Степаныч крепко обхватил Гвоздя за плечи и легко как куклу поставил на ноги. Гвоздь был выше отца, тощий и узкий в плечах, а Степаныч – квадратный и приземистый. Он обхватил голову сына и притянув вниз к себе, сухо чмокнул в лоб, и тут же отбросил так, что Гвоздь отшатнулся и чуть не упал с ватных ног:

– А ну, пошёл к себе в комнату, – рявкнул Степаныч, – как приду, чтоб спал уже!

Гвоздь залепетал «спал уже, спал уже» и угловато сутулясь, боком-боком проскользнул в комнату направо от входной двери. Аркадь Степаныч закрыл бесшумную, подбитую войло-

ком дверь, повернул ключ, вынул из замка и многозначительно потряс им в воздухе, обводя взглядом присутствующих:

– На всякий, – и положил ключ рядом с плитой.

– Ой-ёй-ёй, – баба Тоня снова сделала мокрые глаза и закачала головой, заколыхала по лавке шарообразное туловище.

– Да, не причитай ты, – Степаныч игриво пружинкой подскочил к ней и наклонился вплотную, – а может с нами, а, мать? Пропаришься хоть, а?

Баба Тоня с негодованием пихнула Степаныча в грудь, тот крутанулся на месте и пируэтом скакнул к буфету, подставил табурет.

– Ну, как хошь, а то смотри – последний шанс.

Канителич с молодым затоптали, заухмылялись. Баба Тоня закричала:

– Кобели.

С верхней полки Степаныч вынул три аккуратно сложенные белоснежные простыни. В грязной, забрызганной жиром, пропахшей рыбой кухне они лучились потусторонней белизной. Держа простыни на одной руке другой Степаныч потянулся на соседнюю полку, табурет шатнулся и топнул. Степаныч обхватил простыни и замер, балансируя на полусогнутых.

– Давай *ммть* поддержи *ммть*, – Канителич протянул ладонь, но Аркадь Степаныч хлопнул по ней свободной рукой.

– Помой сначала.

Степаныч вынул с полки стопку красных банных полотенец и спрыгнул с табурета.

– Ну, всё, двинули. Полчаса топит – пекло адово. Ну, ты как, баба, с нами?

Баба Тоня молча поднялась с лавки и запахла в пятнах куртку:

– Пирогов поставила. Потом принесу Вадику. А вы – алкашня, дома жрать нечего, а они в бане бухают.

– Пирог – это *ммть* хорошо, ты прямо нам *ммть* неси, закусь *ммть*.

Под гыкание мужиков и ворчание бабы Тони вся компания протиснулась в дверь, и кухня опустела. Замигала, потрескивая, единственная лампочка, как будто понимая, что светить стало некому.

Тут крыльцо по-новой зазвучало, лампочка перестала мигать, и в кухню, ввалилась запыхавшаяся баба Тоня.

– Телефон-то забыла, вот дура, – бормотала она.

Запах перегоревшего масла и мужского пота вновь ударили ей в нос. Морщась, прищуриваясь в тусклом свете и переваливаясь на плоскостопных ногах, она стала шарить по заваленному грязной посудой столу у плиты пока не наткнулась на свой телефон, синюю кнопочную «звонилку». Баба Тоня улыбнулась и цыкнула:

– Вот дура, – и направилась к двери.

Взявшись за ручку, она вдруг обернулась и посмотрела в сторону комнаты, где заперли Гвоздя. Она вздохнула, так же переваливаясь, проковыляла к запертой двери и очень тихо стукнула:

– Гвоздик, ты спишь уже?

Молчание. Она чуть помешкала:

– Вадик, – позвала она громче.

В комнате зашуршало, что-то легонько брякнуло.

– Баба Тоня, – голос Гвоздя был очень плохо слышен из-за подбитой двери.

– Не спишь?

– Баба Тоня, выпусти меня.

Она отшатнулась:

– Ой, Гвоздик, ой-ёй-ёй, не проси.

– Ба-а-ба То-о-ня, – застонал Гвоздь.

- Не проси, Вадик, отец тебе сказал, там сидеть. А я тебе пирожков принесу.
- Пло-о-хо мне, ба-а-ба То-о-ня.

Она переминалась, громко дышала, и то и дело всплёскавая руками, увещевала закрытую дверь:

– Не могу, Вадик, ты не спи, если не хочешь, а к синякам нельзя тебе. Ты посмотри, до чего отца довел. И в доме разруха, – она всхлипнула, – сами же как синяки живете. А какой был отец-то, красавец, и ты тоже... – она утирала слёзы.

Баба Тоня приложила обе руки к холодной двери и тихо почти нежно сказала:

- Нельзя, Гвоздик, – и тут вздрогнула и затряслась. Гвоздь заорал из комнаты:
- Я себе вены вскрою!
- Ой, оё-ёй-ёй, да что же ты.
- А-а-а-а, – завыл Гвоздь.

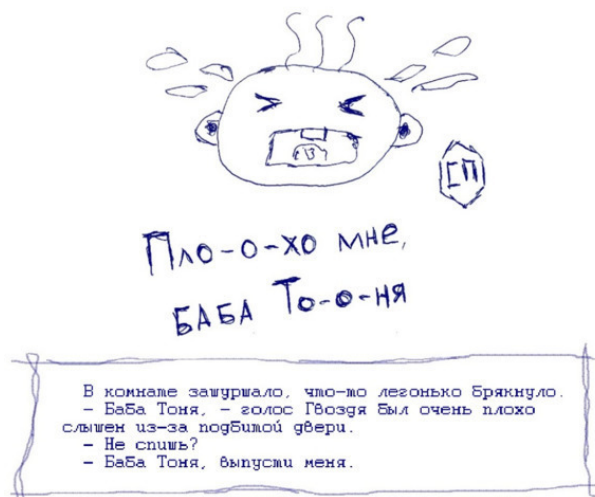
Баба Тоня, повернулась, охая, поковыляла наружу и закричала:

– Аркадий, Аркадий!

Когда крик стал глухим, Гвоздь понял, что она ушла. Он стоял около двери. По спокойному лицу ползала ухмылка. В одной руке он держал маленькую позолоченную булавку и проворно покалывал ею кончики пальцев другой пятерни от большого к мизинцу и обратно.

В комнате было очень холодно. Пока Степаныч слепил приятелей простынями и подкатывал к соседке, Гвоздь аккуратно вынул восемь гвоздиков и четыре деревянные планки, которые держали мутное стекло в нижней секции окна. Отец не бросится сразу его спасать, не поверит. Но надо торопиться.

Едва голос бабы Тони заглох, Гвоздь сунул булавку в маленький кармашек джинсов, быстро снял с гвоздя у косяка свою с засаленными полами и рукавами куртку и выбросил на улицу в снег. Обхватил ладонью толстый холодный гвоздь, на котором висела куртка, и шатнул пару раз вверх-вниз. Железяка скрипнула и осталась в ладони, как и много тренировочных раз до этого. Остриё заточенное и блестящее.

Гвоздь содрал с себя толстовку и остался в джинсах и мятой белой футболке с выцветшей надписью. По голым рукам пошли пупырки. Он почувствовал, что всё это время в комнате у него были холодные уши. Гвоздь бросился к шкафу и из ящика со стираным бельем вынул два длинных черных носка. Стоя посреди комнаты, он бросил носки около себя на пол. Держа гвоздь в правой руке, он задрал рукав футболки и вытянул вперёд левую руку.

Пора.

Он ткнул остриём гвоздя в тощий бицепс посредине, зажмурился, нажал сильнее и полоснул поперёк, раздирая кожу. Было больно, но кричать не хотелось.

Хорошо получилось, с первого раза. На полу блестели правильные красные кружки. Кровь крупно капала с вытянутой вперед руки.

Он посмотрел на порез. Хорошо получилось, с первого раза. На полу блестели правильные красные кружки. Кровь крупно капала с вытянутой вперед руки. Гвоздь шагнул туда-сюда по комнате, оставляя кровавые следы. Затем он швырнул железяку к двери, схватил с пола носок и толстовку, сунул носок в карман, так что он наполовину торчал наружу. Затем, стараясь не задеть раненную руку, протиснулся в дырку окна и с тихим стоном вывалился в снег. Не тронуть рану не получилось, изнутри на руке остался кровавый след. Хорошо, пусть будет.

Окно в комнате Гвоздя выходило на улицу. Снег перестал, но не успел слежаться. Ботинки утонули в тонком кристально-белом пуху. Со столба в два раза выше одноэтажных домов белым светом поливала лампочка. С той стороны дома слышался глухой крик: баба Тоня ворвалась в баню и звала отца.

Холод ударил Гвоздя, он задрожал всем телом, посмотрел на окровавленную руку и сделал ещё несколько шагов по улочке. Белый пух украсился ямками от красных капель.

Готово.

Гвоздь поднял куртку, перевалился через низкую изгородь и оказался во дворе Канителича. Свет фонаря не доставал сюда. Ночное небо стало отчетливо белым, а внизу зияла кровешная темень, в которой что-то мохнатое заворчал, заскулило, и уткнулось в ноги Гвоздя:

– Тихо, Шериф, тихо, – зашептал Гвоздь, чувствуя, как у него от холода прыгает челюсть.

Он взял пса за ошейник и, стараясь не звенеть цепью, потащил вслепую в сторону странно гудящего сарая с черным на фоне белого неба кругом очень большой спутниковой антенны на крыше.

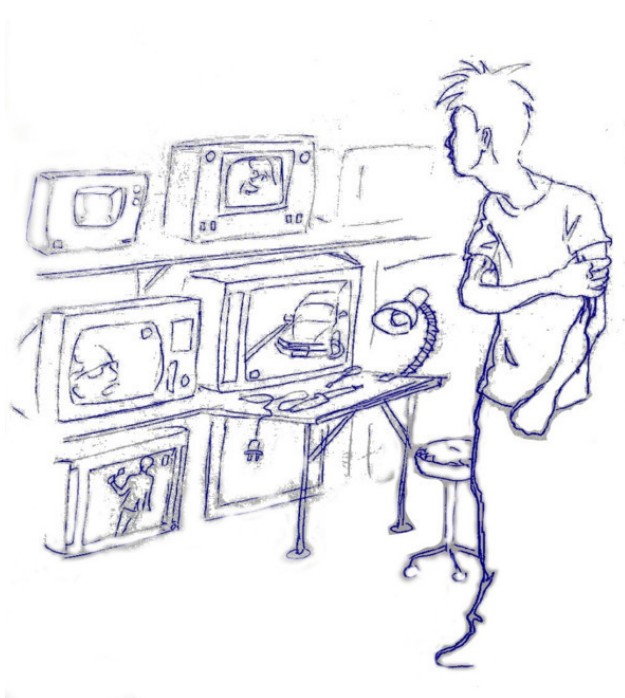
– Подержи, – он положил толстовку и куртку на спину псу, который покачиваясь и сопя стоял рядом. Глаза привыкли к темноте, и Гвоздь видел теперь силуэт большой толстой собаки, с грузом на спине.

– Как верблюд, да, Шериф? – Шериф молчал и покачивался, громко дыша и раздувая бока.

Зачерпнув полную горсть снега Гвоздь вытер кровь с руки, зачерпнул ещё и, сжав зубы, протер рану, взял одежду и юркнул в незапертый сарай.

После тишины и холода Гвоздь сразу согрелся и оглох. Во всю стену сарая на стеллаже в три ряда до потолка стояли работающие телевизоры. Звук смешивался в гудящую кашу, а экраны мельтешили на все лады, Нижний ряд занимали пластиковые телевизоры новых известных и не очень марок. Средний – кинескопные советские. А верхний – совсем старые и пара винтажных с линзой. Посредине стеллажа в нижний ряд был врезан стол, заваленный радиодеталями и паяльниками. Стояло крутящееся кресло с выданным поролоном. По всем признакам – логово одержимого телемастера-коллекционера.

Рана мокла и сочилась. Гвоздь выдернул из кармана носок, обмотал вокруг бицепса у подмышки и затянул зубами. Потом пошарил по столу Канителича, нашел какую-то пропахшую химией тряпку и намотал для надежности поверх, натянул толстовку, куртку, вязаную шапку и замер перед стеной телеэкранов глубоко дыша, напитываясь теплом.

Со среднего экрана в нижнем ряду на Гвоздя смотрел огромный, голый по пояс мужчина. Вокруг него прыгала орущая толпа старых и молодых женщин в странных мужских котелках

и разноцветных платьях. Смуглое тело мужчины было залито кровью, на шее и обеих руках у плеч – набухшие повязки. Когда толпа редела, на заднем фоне появлялись разноцветные стены низких домов, а выше них пальмы и совсем далеко – зеленые холмы.

Гвоздь пошарил сбоку от экрана прибавляя звук. Средний телевизор заорал на фоне и без того громкого гула:

«...и теперь скандальный писатель вынужден скрываться от негодующих жителей Санта-Роса. Представители международного фонда защиты деятелей искусства по непонятной причине от комментариев отказались, ссылаясь на то, что у них нет представительства в Перу. А между тем эта кровавая история приняла совсем жуткий оборот...»

Гвоздь обернулся. Шериф царапал дверь снаружи. Гвоздь пригнулся и быстро вышел из сарая.

– Иди домой, иди, чёрт, угробишь сына! – голос звенел эхом. Баба Тоня голосила зычно на весь посёлок. Гвоздь наклонился к Шерифу:

– Перу-Перу. Пальмы, горы. Вот уроды. У них тепло, да Шериф?

Шериф промолчал и на этот раз.

Гвоздь скользнул через двор, перемахнул ограду и побежал по тени проулка в сторону автобусной остановки.

Зелёные холмы наваливались на скользкую по дороге машину. Пальмы гнулись дугой, пуская местами до самой земли кривые лианы.

– Всё будет хорошо.

Сайк с жалостью посмотрел на Соню, тронул за плечо и постарался улыбнуться.

– Мы живы. Только надо тебя забинтовать. Сейчас отъедем подальше и достанем аптечку.

Слева завывали сирены. Мимо промчались две пожарные машины и джип полиции. Сайк затормозил и начал было съезжать на обочину, но вдруг ударил по газам.

– Нет, нельзя, нельзя в полицию.

Жена испуганно смотрела на него:

– Почему?

– Посмотри в бардачке. Визитка.

Соня распахнула бардачок и начала шумно рыться в нем, разгребая диски, салфетки, и наконец на дне нашла смятую красную визитку с буквами @AWP@ и номером телефона.

– Как ты успел захлупить новую машину?

Сайк с интересом посмотрел на жену и улыбнулся.

– Вижу, ты почти успокоилась. Стоило увидеть беспорядок, и взбодрилась.

Соня осторожно покачала головой, держа салфетки у лба. Сайк сказал:

– Чувствуешь, польза спонтанных поступков, чего это нам взбрело ехать в кино?

– Не знаю, ты скажи, ты же прибежал, сорвал, и помчались. Ты скажи.

А ведь и правда, почему?

Он сидел наверху, на балконе, и вдруг, его как будто ударило. В голове из ниоткуда возникла мысль: «Я же сто лет не был в кино». И что с того? В другой раз он бы просто проорал эту новую мысль через весь дом жене, но тут руки сами захлопнули ноутбук, а ноги понесли вниз.

Сбегая по лестнице, он радовался, что боли в ногах и руках почти нет. Подействовала таблетка. Только раны на шее, заклеенные пластырем, мешали слишком резко вертеть головой. Но фильму это не мешает.

Соня дремала на диване перед телевизором. Он сгреб её за плечи и громко зашептал:

– Поехали в кино, мы сто лет не были в кино.

Он поцеловал её в тёплые губы, она забормотала что-то спросонья и, не успев опомниться, очутилась в машине. Сайк нажал кнопку на брелке, болтая что-то про телепатию

и голос свыше. Соня засмеялась. Ворота медленно открылись, брелок пискнул, и тут машину бросило вперед, а в зеркале заднего вида дом осел и запылал.

– Я не знаю, что произошло. Что-то... Вынесло меня наружу.

Они спустились с холма. Деревья стали выше, две ветвистые стены почти смыкались в густо зелёный покачивающийся купол, прорезанный узкой кривой полоской голубого неба. Гарь выветрилась из машины и теплый воздух с запахом зелени гипнотизировал испуганных до смерти пассажиров. Мимо промчалась ещё одна пожарная машина. Сайк и Соня переглянулись. Их дому пришел конец.

Не доезжая до бензоколонки, они свернули на узкую дорожку и спрятались за поворотом. Сайк выскочил, метнулся к багажнику, извлек аптечку и канистру воды.

– Полей.

Он сполоснул руки, пока жена с трудом удерживая тяжелую канистру поливала их горячей от жары водой. Вид у нее был жалкий, лицо измазано в крови, ко лбу прилеплен грязный от запёкшейся крови комок салфеток.

В груди Сайка стиснуло от жалости:

– Ничего это просто царапина, сейчас. Наклонись, чтобы на одежду не налил.

Он достал из аптечки вату, бинт и перекись.

Через минуту половина Сониного лба была залеплена ярко белым пластырем. Как пират.

Сайк улыбнулся:

– Посмотри.

Соня посмотрела в боковое зеркало:

– Как пират, – сказала она.

– Ну, да. У тебя лоб, у меня – шея.

Он улыбнулся и только теперь почувствовал боль от собственных ран. Таблетка перестала действовать.

– Так, надо звонить.

Сайк стоял около машины по щиколотку в густой влажной траве, прижав трубку к уху, и ждал ответа. Сквозь навес из густых веток пробивалось солнце, и сверху стояло дикое пекло, а внизу прохлада и влажность. Соня сидела на подножке машины, сложив локти на коленях. Стало очень тихо, слух наполнился стрекотом насекомых. Стоило остановить бег, замолчать и жирная мерцающая листва уже обволакивает тебя зеленым маревом, баюкает, накрывает пахучим, шевелящимся одеялом.

Наконец на другом конце раздался шелчок и хриплый голос тихо произнес:

– Барбершоп.

Сайк удивился и быстро глянул на карточку и затем на экран телефона, сверяя номер. Всё верно.

– Это Сайк. Сайк Уомбли. Ваш коллега дал мне карточку позавчера...

– И сказал не называть своего имени по телефону, – оборвал голос, – где вы находитесь?

– Несколько километров в сторону города от дома. Мой дом в Санта-Роса Де-люкс, а, ну это вы, наверное, тоже знаете.

– Это все знают. Выключите телефоны и навигатор, если он есть в машине. Заедьте поглубже в лес, отойдите на несколько сотен метров и спрячьтесь.

– Слушайте, мне кажется, такие предосторожности излишни, я думаю...

– Что стало с вашим домом? – голос на том конце стал тихим. Дьявольски тихим. Сайк осёкся:

– Хорошо. Мы сделаем, как вы говорите.

Они перегнали машину глубже в джунгли, с каждым метром сильнее раскачиваясь, увязая в кустарниках и переваливаясь через холмики зелени, пока не стало понятно, что ещё чуть-

чуть, и даже джип с высоченной подвеской не выедет обратно на дорогу. Оставив машину, они стали пробираться вглубь леса.

Пройдя несколько шагов, Сайк внезапно бросился назад

– Подожди.

Преодолевая боль в ногах, он вернулся к машине, вынул из бардачка большой нож в кожаном чехле, распахнул дверь со стороны, противоположной от направления, куда они пошли, и вернулся к жене:

– Конспиратор, – она бледно улыбнулась, затем увидела нож и нахмурилась.

Сайк считал шаги. Через сто пятьдесят метров он сказал «стоп» и они сели на траву между деревьями.

Соня легла на спину, утонув в траве, и тут же хлопнула себя по плечу, потом по другому, потом по ноге. Отчетливо стало слышно жужжание насекомых.

– Ну, теперь-то меня сожрут.

– Давай, я вернусь за баллоном.

– Нет, что ты.

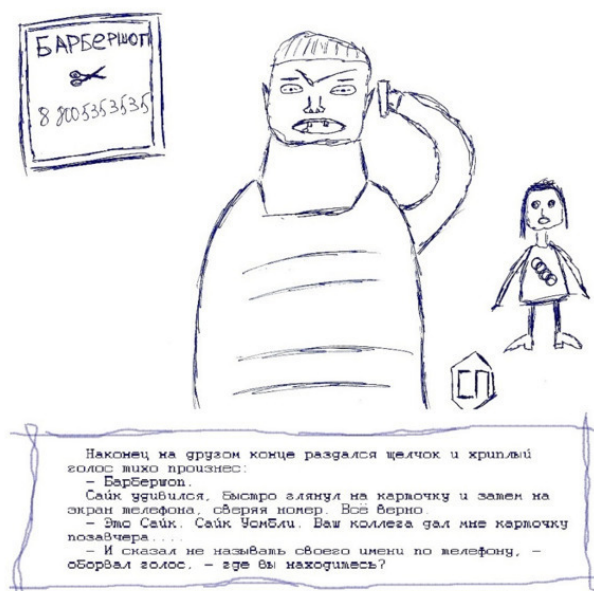
– Тогда так.

Сайк сдернул с себя рубашку и штаны. Его бёдра и предплечья были туго забинтованы, на шее наклеены два больших пластыря. На правой ноге и руке повязки украшены пятнами крови.

– У тебя опять кровь, – Соня показала пальцем, – тебя тоже надо перебинтовать.

– Лучше не трогать. Сейчас.

Он поднял с травы штаны, вынул из кармана захваченный с собой бинт, отмотал и оторвал два больших куска. Вместе они обернули кровавые повязки и затянули потуже. Сайк заткнул концы. Затем он расстелил на траве свои штаны, Соня улеглась на них, и положила руки за голову, а Сайк накрыл её лицо и голые плечи рубашкой. Рубашка была почти прозрачная, в мелкую сеточку. Соня сказала из-под рубашки, и Сайк услышал, что она улыбается:

– Как раньше.

– Да, как раньше. Наши лесные прогулки всегда одинаково заканчиваются.

Сайк сидел рядом, выпрямив спину. Ярко белые кольца бинта на медной коже рук и ног и симметричные белые пятна пластыря на шее, как боевая раскраска, и ни капли пота, а тучки комаров не касались его, как будто отталкивались от магнита с другим зарядом.

– Почему, ну почему вас не кусают насекомые?

– Я же говорил, мы для них – свои.

Соня замолчала.

– И женщин не кусают?

– Нет.

Она замолчала снова. Затем вздохнула:

– Счастливые...

Сайк повернулся к ней.

– Счастливые?

Она увидела его твердое лицо сквозь сеточку и приподнялась, рубашка повисла на лице:

– Прости, я пошутила.

Сайк смягчил взгляд:

– Нет, ты прости. Я постоянно думаю, не могу остановиться...

– Я понимаю.

– Я уже не помню, что было время, когда я не думал.

Соня сняла рубашку с лица и положила руку ему на колено.

– При том, что в детстве я видел, как мать мучается, а потом сестра, но я это принимал, как... как будто так и должно быть, – он запустил пальцы в траву и потянул, трава затрещала, – так было принято, понимаешь. Я привык. И они не сопротивлялись.

Он отбросил в сторону траву, стряхнул ошметки земли с побелевших пальцев и заглянул Соне в глаза:

– Когда ты прозрел, ты уже не можешь не видеть.

– А дядя?

– Чейтон? – Сайк устало махнул рукой, – мне тогда было пять лет, и отец сказал, что дядя просто сошёл с ума. Когда вырос, я вспомнил и стал сомневаться, и думать-думать...

Она положила голову ему на плечо. Он чмокнул её в макушку.

– Прости, что втянул тебя, в это... И дом, я же обещал тебе дом.

– Я и не успела к нему привыкнуть. Теперь мы наконец-то уедем ко мне.

– Теперь-то без вариантов, – лицо его изобразило мучение, и он простонал, – жа-алко до-ом.

Она слабо улыбнулась, как улыбаются умильно наивному ребенку:

– Ну не переживай. Ты жив, и ты рядом, – тут она повалилась на спину в густую траву, – голова, кружится.

Сайк озабоченно глянул на неё и поднялся на ноги:

– Сейчас. Постарайся посидеть прямо, чтобы я тебя видел. И держи нож. Вот.

Соня с трудом поднялась и села с полузакрытыми веками, покачиваясь. Сайк положил её ладонь на рукоятку ножа и скрылся за кустами слева. Через минуту возвратился:

– Здесь нет, – он прошел мимо и нырнул в зеленые ветки за её спиной. Раздался треск.

Соня вздрогнула.

– Нашел? Эй, – она услышала свой испуганный голос и стала оглядываться. Влажность клеилась к коже липкой пленкой; штаны, на которых она сидела, стали мокрыми. Пока на лице лежала рубашка, она забыла про мошкарку, а сейчас, куда ни повернись, перед лицом стояла тучка мошек, которые лезли в глаза, уши и нос. Она замахала руками и жалобно крикнула, скорее проскулила:

– Э-эй...

– Чего орешь? – Сайк вдруг появился сбоку, плотно сжатый рот растягивался и чмокал, он жевал что-то свежее и сочное, – держи.

Он протянул ей пару длинных толстых листочков. Соня машинально потерла листочки пальцами, Сайк улыбнулся:

– Жуй, тут нет пыли, тут не Нью-Йорк.

Она с опаской сунула листочек в рот и стала медленно разжевывать чувствуя как кислотный сок начинает щипать язык, и как немеет нёбо.

– Давай, второй, голова пройдёт быстрее. У меня уже ноги почти не болят.

– Не торопи, я отвыкла, сто лет не жевала, только чай.

– А, ну да, ты ж моё домашнее животное, – он погладил её по голове.

– Не называй меня так, – она сердито дёрнулась, скинула руку Сайка, и с отвращением сунула в рот второй листочек. Сайк шире заулыбался:

– Не гуляем мы с тобой совсем, ну, вот теперь-то нагуляемся на год вперёд.

– Перестань, тошно, – проворчала она с набитым зелёным ртом.

– Пойду, срежу ещё, – Сайк поднял нож, – неизвестно, сколько ждать.

– Давай позвоним в полицию, я не понимаю, почему нельзя...

– Нет, – сказал Сайк, не оборачиваясь, и вновь скрылся за деревьями.

Куст коки оказался всего в нескольких шагах. Ярко красные ягоды чётко светились на фоне зелени и белых высоких цветов. Сайк подошел к кусту и обернулся. Макушка жены маячила между деревьями. Он присел на корточки и провел рукой по стволу куста. Глубокие шершавые трещины говорили, что куст старый. Он поднялся и в раздумьи погладил листья осматриваясь. Вдруг справа блеснуло красным. Он, большими шагами переступая через влажные травяные кочки, направился к другому кусту. Раз, два, три, он оглянулся, чтобы запомнить дорогу, Сони теперь не было видно. Четыре, пять, и вот куст перед ним. Да, этот свежий, ну года три, от силы. Сайк сорвал крупный лист, свернул трубочкой и сунул в рот. Затем вытащил нож, нагнулся под куст и вынырнул с большой срезанной веткой.

– Только не пугайтесь и не дергайтесь.

Сайк дрогнул всем телом, развернулся, оступился и сел под куст. В двух метрах от него стоял маленький, худой как мальчишка человек в песочной рубашке с нашивками полицейского и такого же цвета штанах. Сайк поперхнулся, выплюнул зелёный комок, и вскочил. Лезвие ножа блеснуло и замерло в воздухе.

– Тише. Не бойтесь. Уберите нож.

Сайк не двигался.

– Я из «Барбершопа». Не смотрите на форму. Где ваша жена?

Соня сидела на рубашке Сайка и всматривалась в заросли. Было душно. Она видела толстые стволы деревьев, затянутые кольцами лиан. Лианы душили деревья, словно толстые змеи, и если об этом думать, перехватывало дыхание, и Соня в страхе искала змей в траве. Она вздрагивала от визга мартышек, который стремительно падал вниз прямо под ухо из-под купола листы, и не переставая отмахивалась от мошек.

Сначала она жевала листья с отвращением, потом сильная кислотина прошла, и вместе с ней вдруг стихла боль в правом виске. Соня повертела головой. Зелёная стена теперь не сливалась в размытое пятно, а стала выпуклая и четкая как в три-дэ кино. Она потеряла глаза, расширила их и снова присмотрелась, так и есть – три-дэ.

Липкая пленка на коже испарилась моментально, но жужжание мошек стало более отчетливым и назойливым. Она вскочила, глянула, куда ушел Сайк, что-то секунду прикинула и направилась туда, где они оставили машину. Удивительно, как ясно стала работать голова. Путь от джипа до места, где они затаились, оказался чётко отпечатан в памяти как панорамная фотография. Ещё три шага и за синими столбиками лилий она увидела красную дверь, обошла её, утопая ногами в траве, и шумно пошарив в бардачке, вынула баллончик с репеллентом. Она зажмурилась и густо обрызгала себя всю, голову и плечи и ноги, рискуя зараз выжать и баллона до капли, что там оставалось.

Баллончик перестал шипеть. Открыв глаза, она вздрогнула и отступила назад. В облаке газа перед ней проступал силуэт мужчины. На нем была рубашка песочного цвета, на груди бейджик полицейского, смуглое лицо с черными пышными усами. Она облегченно выдохнула:

– Наконец-то вы нас нашли, мы ждем уже неизвестно сколько.

Усатый молчал.

– Наш дом взорвали, помогите нам.

– Да. Поможем, – прозвучал утробный бас. Полицейский смотрел на неё не мигая, и как будто не зная, что делать дальше.

Соня сделала вопросительный жест руками:

– Где ваша машина?

– Да, машина... Там, – продолжая смотреть на Соню, он шагнул вперед и положил тяжелую ладонь ей на плечо:

– Где ваш муж?

– Недалеко, пошел за кокой... мне больно!

Пальцы полицейского впились ей в плечо, она зажмурилась от боли и тут же услышала лёгкий звук, как топорик втыкается в мягкую древесину. Тело полицейского застыло, стеклянные немигающие глаза расширились, и он повалился на Соню, придавив к двери джипа. Соня вскрикнула, отодрала с плеча его вмиг задубевшие пальцы, и увидела сзади на шее полицейского торчащий дротик с пестрыми перышками. Сайк подбежал к ней, перевернул усатого на спину, чуть оттащил, и помог Соне встать. Затем оглянулся на чанго, стоявшего в кустах.

Всё произошло за несколько секунд. Едва Сайк заметил красную бочину джипа за деревьями, и прозвучал крик Сони, в руке чанго возник дротик, и он не останавливаясь на широком шаге метнул его вглубь кустов.

Соня резко вдохнула, как будто вынырнула из воды, и подавилась комком листьев, она упёрлась лбом в грудь Сайка и стала судорожно сипеть. Чанго подскочил сзади, скрестил ладони в замок вверху её живота и дернул. Комок зелени вылетел изо рта и шлепнулся в голову мёртвого усатого. Соня протяжно вздохнула, завизжала, заколотила ладонями по рукам чанго и отскочила:

– Вы убили его. Убили полицейского, убили.

– Успокойся, – Сайк шел к ней выставив открытые ладони, а Соня пятилась, пока опять не упёрлась спиной в машину, руки её повисли и она начала тихо всхлипывать.

– Надо уходить, – чанго выдернул дротик из шеи усача и спрятал где-то у себя за спиной, – за нами идут. Ещё две машины.

– В полицию, надо ехать в полицию, – Соня мелко тряслась.

– У полиции приказ. Взять вас живыми. Вашего мужа, точнее – поправился чанго.

– Зачем?

Сайк наклонился и сказал, глядя её прямо в лицо:

– Меня ищут.

– Полиция?

– Нет.

– Они?

Сайк кивнул.

Соня уронила голову, вздрогнула от рыдания и отчаянно замотала головой:

– Нет, нет, нет...

– С сегодняшнего дня найти и убить вашего мужа – богоугодное дело. Идем-те.

Чанго развернулся и, широко ступая, пошёл на едва слышный шум дороги. Сайк держал Соню правой рукой, она покачивалась, и они то и дело теряли равновесие на травяных кочках. Чанго скрылся из вида.

– Стойте, мы не можем так быстро, – зашипел Сайк.

Они пробрались ещё вперёд и уткнулись в песочную спину чанго. Тот стоял перед стеной кустарника и смотрел на пролетающие мимо автомобили. С противоположной стороны дороги маячили красно белые пятна полицейского джипа.

– Сейчас по моей команде к машине, – чанго поднял руку, и вдруг обернулся к Сайку, – стойте, где ваши записи? Бумаги? Ноутбук? Надо вернуться.

Сайк не сразу понял вопрос:

– Ноутбук – пшшшш, – он растопырил пальцы, изображая взрыв, а затем три раза стукнул указательным пальцем себя по лбу, – всё в голове.

Чанго пристально посмотрел на Сайка, сузив глаза, от чего тому стало не по себе, а на спине зашевелились мурашки.

– Хорошо, – чанго вновь повернулся к дороге и поднял руку, – хорошо, что в голове. По моей команде.

Гул машин стих, стало слышно, как стрекочут кузнечики и шелестит ветер в макушке леса. Чанго махнул рукой:

– Пошли, – и они ринулись через кусты к машине.

Глава третья

в которой появляется венец из перьев, охранник обижается, дед глушит, а Пиджак удаляет день своего рождения

– Тебе было нужно это? Ты уверен?

Сайк молчал.

– Ты принял обезболивающее?

– Да.

Соня поставила чашку и села к Сайку на плетёный диван с бамбуковыми подушками. Они расположились на веранде. Вечерняя прохлада и зелень апельсинового сада дышали запредельным недостижимым спокойствием. Высокий забор раскрашен со стороны дома индейскими орнаментами, и за ним вырастали стеной стрекочущие на все лады джунгли, волнами поднимались выше, превращаясь в скалы, подсвеченные золотой ниткой заходящего солнца. Каменный, раскалённый за день дом дышал жаром и готовился ко сну.

Сайк посмотрел на Соню. Она перестала плакать, села рядом с ним, увидела его заклеенную пластырем шею, и её взгляд снова влажно заблестел.

– Все-таки этот дом чересчур огромный для нас, – сказал Сайк. Он большим пальцем медленно провёл по её векам, убирая солёную влагу.

Соня отвернулась.

– Согласна, – еле слышно сказала она.

– Вот сад – это вещь. Давай снесем дом, поставим палатку, и будем жить в палатке в апельсиновом саду.

– Давай.

– Все будут думать, что за забором особняк толстосума, а тут – просто палатка.

Соня повернулась к Сайку. Её полные слёз глаза улыбались.

Вдруг Сайк крепко взял ее за руку:

– Да, уверен.

– В чём?

– Ты спросила, уверен ли я, что мне это было нужно. Да, уверен, мне было это необходимо.

Соня кивнула.

– Да, я и не сомневалась...

– А ты уверена? – Сайк неотрывно глядел на неё, – ты боишься да?

– Я хочу уехать отсюда, хотя бы на время, – Соня погладила руку Сайка, которая ещё сжимала её кисть, – смотри, опять ты.

Сбоку веранды, чтобы не загораживать вид на горы, мельтешил синим экран телевизора. Соня нырнула за спинку дивана и защелкала пультом, прибавляя громкость. Сайк нехотя повернулся к телевизору. С экрана на него смотрел он сам. Голый по пояс, грудь залита кровью, алые струйки по шее справа и слева. Над его телевизионной головой болтались, задевая волосы, две оранжевые щётки микрофонов на длинных ручках-удочках.

– Суровая рожа, – задумчиво сказал Сайк, – и голос гнусавый.

На экране грузный усатый корреспондент в зеленой рубашке с крупными красными лоскутами на плечах тыкал в лицо Сайка микрофоном с длинным малиновым наконечником.

«Ваша акция – шок для Санта-Роса, скажите, чем вы руководствовались, что вы хотели этим сказать?»

Картинка на экране сильно дрожала. Корреспондента, Сайка, и оператора толкала со всех сторон прыгающая и орущая толпа, в основном немолодые женщины. Они трясли кулаками, то

и дело доставая Сайка, но из-за его огромного роста, могли дотянуться лишь до плеч. Злобные лица заглядывали в камеру и визгливо выкрикивали:

«Santa Rosa castigar! Santa Rosa castigar!»

Санта-Роза, покарай...

Накануне вечером центральная площадь мирно остывала после полуденного зноя. В половине восьмого из-под крыши белой башни у памятника Святой Розе зазвонил колокол. Свет постепенно становился всё более оранжевым, потом обернулся рыжим, потом вдруг порозовел. Стены домов показали свои настоящие, яркие цвета, которые до этого сливались в палящем мареве в слепящее пятно. Жёлтые, зелёные и красные дома без явного порядка опоясывали площадь.

Посреди бульжной мостовой журчал фонтан. По его оградке ходили вереницей белые голуби, опускали головы в воду, топорщили перья и брызгали радужными каплями. То же самое делали ребятишки, босоногие мальчики и девочки в одинаковых неопределенного цвета шортах и футболках. Девочек сразу было заметно по черным ремешкам с алыми точками, которые стягивали бедра и руки у подмышек.

Вода в фонтане была зверски холодная, била прямо из подземного источника. Опущенную руку сводило в секунду. Кто-нибудь из ребятишек время от времени сигал в воду и сразу с визгом выпрыгивал наружу. Резкий окрик матери или бабушки, которые сидели под пледовыми накидками тут же перед сувенирными развалами, обязательно сопровождал каждый такой нырок в воду.

Лотки лепились друг другу почти без промежутков на теневой стороне площади. Пледы и платки, вышитые бисером накидки, индейские украшения из перьев, тканевые женские фигурки в мужских котелках с прямыми черными волосами, в пухлых многослойных юбках или полуголые, с чёрными ремешками на руках и ногах и в железных трусах с замочной скважиной или миниатюрным навесным замочком. Тут же торчали статуэтки Святой Розы, один в один как памятник на другой стороне площади, фигурки роз всех размеров, с ярко зелёным стеблем и ярко красным бутонем. А по задней стене палаток и спереди по краям навесов раскачивались кожаные ремешки с железными зубьями, ремешки Розы, главный сувенир горной провинции. Небольшие, раскрашенные по всей длине красными точками, и ремешки пошире, с аккуратно прорисованным розовыми лепестками, яркими, как капли крови.

Туристы, с видом выживших после дневного солнечного обстрела, выползали из тени домов и редких акаций, которые кривили стволы из черных клочков почвы посреди мостовой. Крупные округлые булыжники ещё жгли ступни через сандалии. Туристы бродили по рядам палаток, трогали висящие ремешки, с любопытством разглядывали странные женские фигурки. Молодые с рюкзаками, и пожилые в соломенных широкополых шляпах, они выпячивали перед собой черные зеркала смартфонов, стараясь украсть кусочек памяти. Но запахи пряностей, едкий и сладкий дым из глиняных трубок, в сухих губах старух и женщин помоложе в черных мужских котелках, щебет птиц и журчание фонтана, и порывы ветра, влажного и резкого из джунглей, так что перехватывало горло, и знойного тягучего, как дыхание смерти, из пустыни, – всё это, конечно же, оставалось за кадром.

Скорбная статуя из черного мрамора изображала девушку в длинной тунике с капюшоном. В калейдоскопе разноцветных домов и на фоне белоснежной колокольни она была печальным центром туристических фото-сессий. Голуби не садились на статую из-за ядовитого раствора, которым её поливали каждое утро смотрители колокольни, Слуги Розы. По углам невысокого постамента на табличках по-испански, по-английски на кечуа блестели позолотой надписи, что подниматься по ступенькам нельзя. «Пожалуйста, чтите наши традиции». По периметру в черных клумбах ярко-алые розы на высоких стеблях выстроились в шеренгу, которая квадратом замыкала статую. Бутон огромной каменной розы в опущенной руке девушки тоже выкрашен в слепящий алый цвет. Он был размером с голову святой, а длинный стебель с крупными зазубренными, как клыки, шипами спускался вдоль бедра до подошвы.

Сайк и Соня подъехали к площади по тощему крутому проулку, который соединял площадь с широкой улицей. Сайк пропустил поворот, затем затормозил и заехал в проулок задним ходом.

– Так тебе легче будет выехать. Держи.

Соня взяла ключи:

– Думаешь, я уеду без тебя?

– Уверен.

Джип стоял у глиняных ступенек магазинчика с чаем и матэ. На крыльце сидел голый по пояс сморщенный старик. Трое мальчишек примчались с кривым велосипедным колесом без шины. За ними две девочки в майках с ремешками на бедрах и у подмышек. Одна девочка лет двенадцати, худая, со спутанными в красной пыли волосами стала прямо перед машиной и с болезненной гримасой, глядя в зеркальное стекло, чесала пальцем под ремешком на правой руке. Сайк открыл дверь, и девочка шарахнулась от машины, бросилась к остальным, вырвала у них колесо и размахнувшись забросила далеко по переулку в сторону площади. Ватага рассерженно заверещала и помчалась за лязгающей железякой.

Сайк вылез из машины, разулся, скинул себя брюки и рубашку. Потянулся на заднее сидение и вытащил два небольших куска меха, которые сразу умело стянул широким кожаным ремнем вокруг талии, оставив ноги голыми выше колен.

– Давай.

Соня протянула ему круглую жестяную баночку и Сайк начал натирать себя от шеи до пояса рыжей охряной краской. Закончив с верхом, он стал натирать ноги. Соня, скрестив руки на груди, не мигая, смотрела на него, сжимая брелок с ключами от машины, сумочка через плечо. Через минуту грудь Сайка, широкие бицепсы, живот, рельефные бёдра и голени стали медно-красными. Сайк отдал коробочку Соне, открыл багажник и вынул огромный венец из орлиных перьев.

Глядя в широкое зеркальное стекло багажника, он водрузил венец на голову. Отражённые лучи солнца освещали его лицо как софиты на съемочной площадке. Он стал ещё огромнее, длинные перья вздымались выше на одну голову, а длинный хвост венца с мелкими пёрышками спускался ниже пояса сзади. Увидев Сайка в одеянии шамана урари, старик на крыльце вскочил и широко поднял руки над головой. Сайк показал старику красные ладони, и тот ушёл в дом.

– Рука, – тихо произнес Сайк.

Соня, которая теперь тоже заворуженно глядела на Сайка, вздрогнула и начала шарить в сумочке. Наконец выудила пудреницу. Трясущейся рукой она попыталась высыпать пудру себе на ладонь, но у неё не получалось, пудра слиплась. Сайк улыбнулся, зачерпнул пальцами и высыпал белый порошок горстью на ладонь Сони. Она быстро прижала ладонь к груди Сайка, а когда убрала, на груди остался ярко белый след в форме маленькой ладони с растопыренными пальцами. Было очень тихо. Сайку казалось, что он слышит, как остатки пудры осыпаются на булыжники под их ногами.

Сайк поцеловал Соню в лоб, широким шагом обошёл машину, вынул белый пластиковый пакет, заглянул в него, проверив, всё ли на месте.

– Закрой, дети залезут.

Соня щелкнула брелком, джип пискнул. Она испуганно смотрела на Сайка, ждала, что он скажет.

– Пойдем.

Они направились к выходу из проулка на площадь. Сайк впереди, шагая широко, как сошедший с пьедестала монумент, с болтающимся в руке пакетом. Он обернулся к Соне:

– Шаман из супермаркета.

Соня улыбнулась, чувствуя, как дрожат губы.

В конце проулка росла акация, посаженная специально, чтобы машины не выезжали на площадь. Сайк остановился в тени дерева и положил руку с пакетом на корявый изгиб ствола. Соня стала рядом. Он показал ей на чёрную статую на противоположном краю площади.

– Встанешь справа, там, где бутон, и снимай. Телефон заряжен?

– Да, – тихо произнесла Соня пересохшим ртом.

Сайк взял её за плечи, оставляя красные пятна на белой футболке:

– Не бойся, это нужно сделать.

– Да, нужно.

– Подожди, когда я дойду до фонтана, и иди за мной.

Соня кивнула, и Сайк шагнул на солнце.

Сковородка зашкворчала, и Пиджак повернулся к плите. Ну вот, яйца пережарил, ненавижу. Яичница требует полного вовлечения. Белок должен стать полностью белым, без противной склизкой прозрачной пленки, а желток остаться жидким, чтобы макать в него хлеб, поджаренный тут же на сковородке в сливочном масле. Когда Маша в первый раз увидела, как он ест яичницу, сказала: «ну, ты свинья, с кем я живу». А тут Пиджак прошляпил момент, включил слишком сильный огонь, и желток стал твёрдым. Он с отвращением зацепил прямо со сковородки и засунул в рот горячую сухую бело-жёлтую массу, которая тупо воняла яйцами, фу. Чтобы забить яичный вкус откусил хлеб. Он был вкусный, жирный и сливочный от масла. От плиты дыхнуло жаром. Пиджак переставил сковородку на стойку подальше от пышущей плиты и стал есть сухую яичницу, запивая остатками вчерашнего чая.

– Ты опять стоя ешь? Ты теперь дома вообще садиться не будешь? – из спальни выползла Маша, щурясь на свет, голос спросонья полупшепчет-полустонет.

– Неа, не буду. Сидение убивает, я же весь день сижу.

Жена пожала плечами:

– Опять? С самого утра мрачный? Ничего не убивает, работа сидячая просто, – и пошатываясь направилась в туалет.

– Ты чего поднялась так рано? Я мелкого сам соберу, не хотел тебя будить.

– Да, как ты его соберешь, – и щелкнула дверью.

– Как-как, попой об косяк, нормально бы собрал, – кинул Пиджак вдогонку, и буркнул, как казалось, вполголоса, – не хуже тебя бы собрал.

– Я всё слышу, – в туалете зажурчала вода.

Пиджак сунул сковородку и тарелку в раковину и уставился на листок, прицепленный к холодильнику магнитиком. Сине-белые мальчик и девочка целуются, головы склеились, двухголовое существо с закрытыми глазами и длинными ресницами, «берлинская гжель». На листочке «список добрых дел» на неделю, ровный почерк жены и каракули Пиджака. «Коммуналка, молочная смесь, детское питание, поликлиника-прививка», – это написала жена. А ниже сбоку криво ещё что-то неразборчиво. Пиджак сощурился, глядя на собственный каракуль. Сибас, себес, собес?... «Сервис». Точно – сервис. Колян сегодня может принять машину. Надо бечь и мчаться.

И он помчался в детскую будить малого.

Вовка как обычно в будний день спал без задних ног, которые свешивались с края кровати, одеяло комом на голове. Ну конечно, не суббота же, и не воскресенье, можно не вскакивать в шесть утра. Когда в школу надо – не добудисься, а вот в выходные – ранняя пташка.

– Вован, Вова-ан, давай вставай, в школу, в школу.

Вован заворочался, но не просыпался.

– Да, иди собирайся, я сама разбужу и соберу, – сзади к кровати подошла Маша, – Вовка, поднимайся, малыш.

– Слушай, давай я заплачу коммуналку карточкой с телефона, зачем мотаться в банк.
– Нет, я сама, надежнее будет, я потом квитанции сохраню, так спокойнее.
– Ну, и зачем переться по морозу с коляской?
– Ну, нам же гулять надо, соберемся, утеплимся и прогуляемся со Светкой. Вовка, просыпайся, в школу опоздаем.

Вовка замычал и сел на кровати.

– Доброе утро, сынок.

– *Добое*, мама.

– И показания передать надо.

– Не сегодня, – голос жены стал устало укоризненным, – заплатить до десятого, передать – до двадцать пятого. У тебя что-нибудь в голове держится? Давай снимай памперс, надевай трусики.

– Держится, что-то, – отрешённо сказал Пиджак, а Маша уже включила бытовуху:

– Да, и ещё: будешь в детском мире, купи памперсы Светке и Вовке тоже, там есть специальные для больших детей, синие упаковки такие.

Пиджак погладил Вовку по голове:

– Давай сынок, – Вовка слез с кровати и ушёл в большую комнату, – слушай, мне сегодня в сервис надо, я забыл, надо разобраться с «чеком» с этим.

Маша сидела на полу, вытаскивая из ящика комода Вовкину экипировку. Услышав про сервис, она замерла и напряженно глянула на Пиджака:

– А сколько за ремонт? У нас же целый список подарков, учителя, тьютор, воспитатели.

– Воспитатели?

– Ну да, мы же обещали зайти, рассказать, как Вовка в первом классе справляется, ну и Светку они хотели посмотреть.

– Что цирк, что ли: «посмотреть». Мы же уже благодарили, когда ушли из садика.

– Ну, надо, восьмое марта всё-таки.

– Разорительно.

– А как ты хотел?

Пиджак не был уверен, как бы он хотел. Не кстати, конечно, этот сервис, но с «чеком» нужно разобраться, проверить, и спать спокойно.

– В прошлом месяце стиралка с холодильником, сколько там ушло на ремонт, теперь машина, – жена цокнула языком и выдернула из ящика носки, – Вовка ты где, ты пописал? Иди одеваться.

Пиджак присел на край кровати. Он почувствовал как список «добрых дел» навалился на мозг и выдавил утреннюю бодрость через уши наружу. Бодрость улетучилась в пространство, оставив его обескураженного, ссутулившегося на краю кровати. В зеркале шкафа он видел свою согнутую колесом спину, складки жира на животе и тощие руки. По лбу пошла испарина.

– А, штраф за эвакуатор? – жена подняла указательный палец, как будто перечисляя веские аргументы, – ты же оплатил, автолюбитель?

– Да, оплатил, оплатил.

– У вас премия никакая не намечается?

– Ха, – Пиджак вздохнул. Конечно, нет. Вот наивность.

– Ну, ещё заказы взять, посидеть вечером. А, да, сидение убивает, я забыла, прости.

– Ничего смешного.

Жена увидела, что Пиджак сник.

– Ну, что ты такой хмурый? С утра чернее тучи. Вовка натягивай сам вторую штанину – она потянулась и погладила Пиджака по волосатой ноге, – на работе что-то случилось?

– Ничего. В том-то и дело, что ничего.

– Не хочешь рассказывать, ты вообще ничего не рассказываешь, – жена обиженно убрала руку, бросила сворачивать носки и засунула в ящик комочком, как было.

– Да, не в этом дело!

Вот досада, Как же объяснишь?

– Ничего не происходит, какая-то возня. Смысл есть только раз в месяц, когда на карточку деньги приходят, но это же неправильно, когда нет другого смысла?

– Но платят-то исправно.

Чистая правда. Для городка редкость, предмет зависти.

– Но я ничего не чувствую, какая-то вонючая возня. Не живем, а возимся. Возимся и стареем. «Что ты сегодня делал на работе? – Старел». Ужас. Мрак. Может мне уволиться?

Молчание, и потом тихо и вдруг робко как-то:

– Не кисни, до зарплаты дотянем, главное, чтобы никто не заболел, и вообще, я же в конце концов выйду на работу.

Это же ещё два с половиной года. Тут Пиджак услышал интонацию жены и увидел, что она смотрит на него снизу вверх, поникше, грустно как-то, сидит на полу, а вокруг оседают пыльными хлопьями только что выплеснутые им наружу слова.

– Прости.

– Да, ладно.

– Да, я и не кисну, справимся.

– Конечно, справимся.

Ну, зачем наболтал.

– Я справлюсь.

– Конечно, ты молодец, от меня вот никакого толку, я же не работаю.

– Ну не надо, ну прости, я не хотел, не для того говорил. Я поэтому и не рассказывал ничего, что только хуже будет.

– Папа я готов, – Вовка появился в дверях, ботинки в разные стороны, шапка на глазах, куртка комом на плечах.

Жена невольно улыбнулась, лицо посветлело.

– Прости, я справлюсь, – Пиджак поднялся, чмокнул жену в макушку, и пошел переодевать Вовку. Потом нацепил на себя рубашку, застегнув на все пуговицы доверху, немного помешкал у шкафа, выбирая из дюжины аккуратно висящих пиджаков разных оттенков: синих, серых, черных, блестящих и в мелкую клетку, взял портфель и пошел в прихожую.

Он успел намотать шарф и начал застегивать куртку, когда подскочила жена:

– Так, – она молниеносно распахнула его куртку и дернула вниз шарф, – на рубашке – верхнюю, – и расстегнула верхнюю пуговицу на рубашке, – на пиджаке – нижнюю, сколько можно говорить, не ходи как чмо.

Примерно через полчаса они уже толкались перед входом в школу на скользком крыльце. Дверь распахивалась, норовя разбить лбы. Подростки и мелкота с огромными ранцами плотным хмурым потоком тащили грязь внутрь, врезались друг в друга перед турникетом, под недовольными взглядами уборщицы и целой дюжины дежурных учителей с бэджиками, которые наперебой кричали:

– Не надо здесь разуваться, не видишь, грязно!

– Уберите ранцы с подоконников!

– Здесь не надо раздеваться, идите туда!

– Не толпитесь, переодевайтесь в темпе!

– Чья сменка?

Пиджак, высоко подняв ранец и два мешка со сменкой и физкультурной формой, протолкнул Вовку к турникету.

– Здравствуйте.

Новый охранник внимательно смотрел на Пиджака из-за стойки.

– Доброе утро, – повторил Пиджак и улыбаясь подергал рычаг турникета, однако охранник на кнопку не нажимал, и красный крестик не менялся на зелёную стрелочку. Пиджак почувствовал, как сзади напирает школоты.

– Пропустите нас, пожалуйста, нам пропуск пока не выдали.

Охранник седой и смуглый, с азиатским разрезом глаз молча нажал на кнопку, Вовка скользнул за турникет, а Пиджак опять уперся в рычаг с красным крестиком.

– И меня.

– Зачем? Ребёнок прошел, родителям нельзя.

– Слушайте, вы тут новый, я каждый день прохожу, мне надо ребенка тьютору передать. Вот уборщица меня знает, – Пиджак перевел взгляд на уборщицу, которая стояла тут же за стойкой, и обнаружил, что она тоже незнакомая. Заминка усугублялась.

– Слушайте, я его одного не могу отпустить, – Пиджак показал пальцем на Вовку, который часто подпрыгивал и вертел рукой перед лицом, – Вова, стой не уходи.

– Паспорт, – охранник извлек из-под стойки желтоватую безволосую руку и протянул её к Пиджаку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.